
Мария ЗАТОНСКАЯ

ВЫРАСТУ

1

Мечтала, вырасту,
кончится суп из куриных лапок,
толкучка в прихожей, масляный свет лампы,
мама перешивает платье,
у папы снова от рук пахнет бензином.
Когда-нибудь я откушу хрустящую корочку жизни!
Внутри — изюм, орехи и много чего еще.
Только тридцатилетней девочке в новом плаще
как-то не по себе.

2

Помню, бабушка жарит блинчики.
Как хорошо жить.
Велосипедное стрекотание
слышится со двора.
Целая жизнь до следующего утра,
длинная жизнь до следующей.

3

Соседка собирает жимолость в фартук,
ветки скворчат по-птичьи
о личном,
чувствую: все вокруг — мой необъятный дом.
А завтра проснусь на восходе
и буду смотреть, как время ходит
по стене.
Как синева раздета.
Никому не отдам это.

* * *

Нужно повзрослеть наконец, перестать повторять «душа».
Кто мне теперь поверит, что я и так хороша?

Мария Затонская родилась в 1991 году в городе Сарове. Публиковалась в журналах «Белая скала», «Арион», «Нева», «Кольцо А», «Волга XXI век», «Литературный Крым», «Формаслов» и других. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2017), дипломант и лауреат Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2018, 2019), победитель Национальной премии «Русские рифмы» (2019). Член Союза писателей России.

Они не знают, что я нашла в тебе озеро. Как поплавок,
по теплой воде плыл зеленый листок,
плыла я, небо плыло вокруг меня.
Но захотела нырнуть и — не достала дна,
и стало страшно, что не успею и все пройдет.

Это мне все еще снится,
а кажется, что вот-вот.

БАРАК

1

Когда мне было четыре года,
я боялась, что умрет мама.
Если бы кто-то сказал мне: Богу молись,
я, наверное, стала бы истовой христианкой.
Отче, хныкала бы, упаси.
Но мне не сказали.
Сейчас
иногда нашептываю: Боже, Боже.
Я ему привираю,
но это спасает, похоже.

2

Плачет хрупкое человеческое
у меня на плече:
продавщица Люда,
автомеханик Вова,
военный контрактник Максим.
Плачут матерными словами,
плевками,
всем прочим.
По-разному выживают,
как-то выкручиваются,
вечером встречаются на пятиметровой кухне,
а с ними я — вроде бы как в придачу,
на моих коленях живот собачий,
и всем хорошо,
и все хорошо плачем.

3

Летом у нас всегда весело: лавочка, песенка.
Ленка в темных очках, у нее со вчера судимость,
затягивается, отхлебывает из горла:
«Он сильно меня обидел, вот я его избил», —

радио трещит: ла-ла-ла,
она: «Ду-ду-ду...
а вообще, я всегда хотела работать в детском саду,
футболочки, юбочки, щечки...
Дочку...»

4

Смотрю на Катьку, Катька мне говорит: — Страшно,
страшно, — говорит, — Машка.
Она сжала зубы и смотрит в стол,
но все еще говорит —
вон пошутила про вчерашнюю попойку мужа.
Я думаю: «Могло быть хуже,
все могло быть хуже, хорошо, что вот так».
Молчу ей:
— Мне тоже страшно, но по-другому никак.

5

Дождь выпрыгивает, с разбега
падает на человека.
Семенит по детской площадке,
деревянной лошадке.
И кажется человеку: ничего нет,
кроме всего этого, что поет.
Люди из окон смотрят, как я открываю рот,
стою тут.

И тоже поют.

АЗИЯ

1

Прижалась ухом к окну своего купе.
Сначала мир подрагивал и скрипел,
потом я услышала, рельсы начали петь:
то ли японка в храме, то ли мантры в ашраме,
а дальше — индийские танцы браслетами забренчали.
Играла музыка, запечатанная в куске стали, —
поезд был исполнителем.
И я заметила,
что меня во мне больше нет,
что я вся снаружи,
а внутри — пустота, широта, свет.

2

Смуглый маленький туркменистанец
яблочные хвостики подметает,
арбузные шкурки.

Ночью

араб из соседнего номера
заносит коробку с котятами:

— Бэйби, — шепчет, идет
показывать детям.

В темноте гранаты кажутся черными,
слепыми глазами глядят,
хочется их сорвать,
но ты не срываешь, смотришь.

3

Восток проезжает мимо автобуса,
земля — надтреснутой коркой,
гор синие языки — кажется, так горизонт горит,
как газовая конфорка.

Русские воробьи оккупировали провода,
расселись на раскаленных жердочках,
турецкий лавочник зазывает по-русски,
и на родном море поет на спуске.